

Церковно-обрядовыя реформы Никона.

(Продолженіе).

Возвращаемся къ прерванному нами разсказу о клятвѣ на двоеперстниковъ, торжественно провозглашенной и собственноручною подписью засвидѣтельствованной антиохійскимъ патріархомъ Макаріемъ, сербскимъ патріархомъ Гавріиломъ, никейскимъ митрополитомъ Григоріемъ и молдавскимъ митрополитомъ Гедеономъ.

Безъ всякихъ предварительныхъ изысканій, безъ всякаго уваженія къ исторической правдѣ, восточные іерархиями—собиратели, совершенно голословно и бездоказательно, вопреки истинному духу и пониманію церковію ученія Христа, первые провозгласители у насъ изначальное русское двоеперстіе въ крестномъ знаменіи армянскимъ еретическимъ перстосложеніемъ, и первые произнесли анаемому на всѣхъ держащихся двоеперстія. И это дѣлали они смѣло, рѣшительно, съ авторитетомъ, не допускающимъ никакихъ сомнѣній и возраженій, какъ будто провозглашенное ими о двоеперстіи было дѣйствительно святою, непререкаемою, для всѣхъ очевидною истиною. Ихъ—высшихъ архиереевъ, нисколько не смущала и не тревожила мысль, что поступая такъ легкомысленно, такъ грубо—рѣзко оскорбляя своихъ милостивцевъ русскихъ, они вносятъ въ русскую, дотолѣ единую православную церковную среду, раздоры, раздѣленія и прямо—церковный расколъ. Очевидно пришлецы имѣли въ виду только выслужиться предъ всемогущимъ московскимъ патріархомъ, только заработать себѣ возможно щедрую милостыню, а какъ, какою цѣною—они надъ этимъ

не задумывались ¹⁾ Конечно голосъ этихъ заѣзжихъ случайныхъ милостынесобирателей былъ далеко не то, что голосъ цѣлаго константинопольскаго патріаршаго собора, который, какъ мы видѣли, къ вопросу о перстосложеніи отнесся очень осторожно, не только не призналъ двоеперстія какимъ-то неправымъ, или армянскимъ перстосложеніемъ, но предоставлялъ русскимъ полную свободу употреблять или свое старое двоеперстіе, или тогдашнее греческое троеперстіе, такъ какъ то и другое одинаково правы и безразличны для вѣры, если только съ ними соединяется правое ученіе. Но Никону когдѣлось вѣрить заѣзжимъ милостынесобирателямъ, а не голосу Константинопольскаго собора, такъ какъ ему нужно было своихъ враговъ—стойкихъ и горячихъ защитниковъ двоеперстія, заклеить именемъ еретиковъ, доказать всѣмъ, что правъ онъ Никонъ, а не его враги и порицатели. Благодаря пришлецамъ — милостынесобирателямъ Никонъ вполне достигъ своей цѣли и притомъ такъ, что первое торжественное проклятіе на двоеперстниковъ—его личныхъ

¹⁾ Діаконъ Павелъ Алепскій, племянникъ антиохійскаго патріарха Макарія, описавшій совмѣстно свое путешествіе съ дядей въ Москву, откровенно сознается, что цѣлю ихъ пребыванія въ Москвѣ было обогащеніе отъ русскихъ. Онъ рассказываетъ на примѣръ слѣдующее: „Царь прислалъ патріарху (Никону, во время своего похода на Польшу) болѣе ста облаченій и мантий, принадлежащихъ армянамъ и іезуитамъ, говоря ему: „дѣлай съ ними что хочешь,“ ибо считалъ ихъ нечистыми—такое убѣжденіе московитовъ. Получивъ ихъ, патріархъ не нашелъ для нихъ лучшаго употребленія, какъ украсить трапезную монастыря и сидѣнья въ церкви. Удивительно, что они даже не сняли съ нихъ серебряныя пуговицы и крючки! Мы пожалѣли о нихъ, ибо даже идолопоклонники освящаются крещеніемъ, и эти матеріи, если они будутъ окроплены святою водою, развѣ не освятятся и не станутъ годными для церковныхъ облаченій? Но такихъ порядковъ держатся московиты, несомнѣнно потому, что у нихъ изобиліе богатствъ. Развѣ мы, въ своей странѣ, не взяли бы парчевыхъ одѣждъ. . . а же если бы ихъ носили евреи, и не передѣляли въ священническія облаченія? разумѣется, взяли бы, по ихъ рѣдкости и дороговизнѣ. Дай Богъ, чтобы они подарили ихъ нашему владыкѣ патріарху, дабы передѣлать ихъ въ облаченія и раздать архіереямъ и священникамъ въ нашей странѣ, конъ въ нихъ столь вуждаются. Но если бы онъ заговорилъ съ ними объ этомъ и сталъ просить ихъ, то низко упалъ бы въ ихъ глазахъ, и они сказали бы: „смотри, какъ мала ихъ вѣра!“ Впрочемъ, добродушно замѣчаетъ Павелъ, если Богу угодно, *да попуститъ Онъ, что бы они разгнѣвались на насъ, лишь бы Онъ обогатилъ насъ чрезъ нихъ!*“ (Муркосъ, вып. 3, стр. 62).

враговъ, было произнесено не имъ, а лицами совершенно сторонними, на которыхъ дѣйствительно и падаетъ главная тяжесть отвѣтственности за дальнѣйшія смуты въ русской церкви.

Опираясь на авторитетъ и поддержку антиохійскаго патріарха Макарія и другихъ, бывшихъ тогда въ Москвѣ восточныхъ іерарховъ, на торжественно провозглашенное ими проклятiе на двоеперстниковъ, Никонъ рѣшается навести своимъ врагамъ послѣдній ударъ,—подвергнуть ихъ, какъ еретиковъ, окончательному отлученію отъ церкви и проклятiю. 23 апрѣля 1656 года онъ созываетъ въ Москвѣ соборъ изъ русскихъ святителей и обращается къ собору съ обширною рѣчью, въ которой указываетъ на побужденія, заставившія его приняться за исправленіе русскихъ церковныхъ чиновъ и обрядовъ, сообщаетъ, что и какъ онъ дѣлалъ это досель, и особенно просилъ соборъ заняться вопросомъ о двоеперстii, такъ какъ, объясняя онъ собору, соединеніемъ, по Θεодоритову писанію, великаго перста съ двумя малыми неправо, будто бы, исповѣдуются таинство пресвятыя Троицы, а совокупленіемъ двухъ перстовъ, указательнаго и средняго, неправо исповѣдуются таинство воплощенія; указалъ на соборное посланіе Константинопольскаго патріарха Паисія, какъ на осуждающее будто-бы двоеперстiе, но главнымъ образомъ сослался, какъ и слѣдовало ожидать, на толкованіе антиохійскимъ патріархомъ Макаріемъ извѣстнаго сказанія о св. Мелетii антиохійскомъ, сдѣланное имъ въ церкви Чудова монастыря; на проклятiе, которое изрекли въ Успенскомъ соборѣ восточные святители на крестящихся двоеперстно, и на письменное изложеніе ими самаго проклятiя, и, въ заключеніе, просилъ и русскихъ святителей высказать и свое рѣшительное слово о томъ же предметѣ. Рѣчь Никона и весь предшествующій ходъ дѣла ясно показывалъ, чего хотѣлъ Никонъ отъ русскихъ святителей. Имъ оставалось только признать и оформить уже совершившійся фактъ, почему и составилось слѣдующее соборное опредѣленіе по вопросу, въ рѣшеніи котораго въ ту или другую сторону такъ сильно былъ заинтересованъ Никонъ: „аще кто отсель, вѣдый, не повинится творити крестное изображеніе на лицѣ своемъ, якоже древле святая восточная церковь пріяла есть и якоже нынѣ четыре вселенстii патріархи, со всѣми су-

щими подъ ними христіаны, повсюду всееленныя обращающимся, имѣютъ, и яко же здѣ прежде православніи содержаша, до напечатанія слова Феодоритова въ псалтыряхъ со возслѣдованіемъ московскія печати, еже тремя первыми великими персты десныя руки изображати, во образъ святыя и единосущныя и нераздѣльныя и равнопоклоняемыя Троицы, но имать творити сіе непріятное церкви, еже соединя два малыя персты съ великимъ пальцемъ, *въ нихъ же не равенство святые Троицы извѣщается, и два великосредняя простерта суща, въ нихъ же заключати два сына и два состава, по Несторіевѣ ереси*, или инако изображати крестъ: сего имамы, послѣдующе св. отецъ седми всееленскихъ соборъ и прочихъ помѣстныхъ правиломъ и св. восточныя церкви четыремъ всееленскимъ патріархомъ,—всячески отлученна отъ церкви вкупе и съ писаніемъ Феодоритовымъ, яко и на пятомъ (соборѣ) прокляша его ложная писанія на Кирилла архіепископа александрійскаго и на правую вѣру, сущая по Несторіевѣ ереси, проклинаемъ и мы“.

Приведенное соборное опредѣленіе было внесено въ „Скрижаль“, которую соборъ, по предложенію Никона, разсмотрѣлъ и одобрилъ къ печати, внесена была и напечатана и рѣчь Никона къ собору. Можно думать, что между членами этого собора были конечно лица, настолько-то знакомые съ своимъ церковнымъ не особенно уже далекимъ прошлымъ, которые навѣрное знали, что двоеперстіе существовало на Руси вовсе не со времени внесенія слова Феодорита въ Псалтырь съ возслѣдованіемъ московской печати, а гораздо ранѣе; что двоеперстію училъ Максимъ Грекъ и его противникъ—митрополитъ Давидъ, что Стоглавый соборъ узаконилъ двоеперстіе окончательно, конечно потому, что за такое именно перстосложеніе говорила собору, вся извѣстная ему русская древность, большимъ знатокомъ, любителемъ и собирателемъ которой былъ предсѣдатель Стоглаваго собора митрополитъ Макарій, человекъ для того времени очень свѣдущій во всей русской старинѣ. Конечно, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ членовъ собора, вѣроятно было очень трудно и тяжело признавать, что двоеперстіе заключаетъ въ себѣ неправославное ученіе о св. Троицѣ и ересь несторіанскую,—такъ какъ всѣ члены собора, не исключая и самого Никона до патріаршества, крестились доселѣ

двумя перстами, вовсе не соединяя съ этимъ какого либо неправаго ученія о св. Троицѣ и ни мало не склоняясь, ради этого, въ несторіанскую ересь. Но подъ вліяніемъ подавляющаго примѣра бывшихъ тогда въ Москвѣ восточныхъ святителей и, главнымъ образомъ, подъ давленіемъ страшнаго и скорога на самую суровую расправу Никона, мнѣніе котораго къ тому же имъ ранѣе заявлено было настолько ясно и опредѣленно, что не допускало никакихъ сомнѣній и возраженій, имъ оставалось одно: или безусловно подчиниться желанію Никона, или же, по всѣмъ памятному примѣру Павла Коломенскаго, послѣ позора и истязаній, отправиться въ заточеніе. Естественно было, что святители избрали для себя первый путь—путь полнаго смиреннаго подчиненія желаніямъ Никона, хотя бы это и не согласно было съ ихъ личными убѣжденіями.

Въ виду указанныхъ обстоятельствъ, враги Никона и его реформы могли смотрѣть и на соборъ 1656 года такъ же, какъ и на предшествующіе т. е. какъ на личное только дѣло Никона и его друзей—восточныхъ іерарховъ—милостынесобирателей, тѣмъ болѣе, что присутствовавшей на этомъ соборѣ и подписавшейся подъ его дѣяніями вятскій епископъ Александръ, впослѣдствіи открыто выражалъ свои сомнѣнія въ правильности произведенныхъ Никонѣмъ церковныхъ реформъ.

Пользуясь присутствіемъ въ Москвѣ антиохійскаго патріарха Макарія, поощряемый имъ и опираясь на его авторитетъ, Никонъ спѣшилъ провести и другія перемѣны въ нашемъ церковномъ чинѣ и обрядѣ, чтобы достигнуть ихъ полнаго соотвѣтствія съ тогдашнею греческою церковною практикою. Онъ просилъ Макарія не опускать изъ вниманія и исправленія ни одной ошибки, ни одного отступленія, какія только онъ замѣтитъ въ нашей церковной практикѣ. Павелъ Алепскій свидѣтельствуетъ, какъ очевидецъ: „Никонъ постоянно просилъ нашего учителя (т. е. п. Макарія), говоря ему: „если что найдешь достойное порицанія въ чинѣ нашихъ обрядовъ, скажи намъ объ этомъ, дабы мы поступали, какъ должно“, и, обыкновенно, принималъ его совѣтъ съ величайшимъ вниманіемъ“. Или, на примѣръ, Павелъ говоритъ: „Никонъ всегда предлагалъ нашему владыкѣ патріарху (т. е. Макарію), когда онъ служилъ съ нимъ, совершать

рукоположеніе, ибо искалъ въ этомъ пользы, чтобы видѣть чьи обряды лучше, и постоянно спрашивалъ его о всякомъ предметѣ, дабы извлечь для себя пользу“. Макарій дѣйствительно очень ревностно старался указывать Никону, „на недостатки и неблагоприличныя дѣйствія, существующія у русскихъ“, какъ выражается Павелъ Алепскій, а Никонъ, съ своей стороны, немедленно приводилъ въ исполненіе указанія Макарія, смѣло передѣлывая русскую церковную старину на современный греческій ладъ. Какъ это иногда происходило, помимо выше указанныхъ случаевъ, видно и изъ слѣдующаго разсказа Алепскаго: „патріархъ Никонъ постоянно просилъ нашего учителя написать для него чинъ обновленія храма и весь порядокъ этаго чина, согласно обряду грековъ... дабы онъ могъ видѣть, согласуется-ли таковой съ ихъ обрядомъ. По этому поводу мы очутились въ большомъ затрудненіи, потому что чинъ „обновленія храма“ не содержится въ печатныхъ греческихъ Евхологіяхъ, ни въ арабскихъ, ни въ иныхъ, но совершенно отсутствуетъ въ нихъ, ибо, послѣ самыхъ тщательныхъ поисковъ, нашъ учитель не нашелъ его ¹⁾... Проискавъ долгое время, мы нашли, по наитію свыше, въ одной изъ книгъ Св. Горы, древнее греческое сочиненіе по этому предмету, и нашъ владыка патріархъ съ большимъ трудомъ перевелъ его съ греческаго на арабскій. Какъ только онъ кончилъ это, патріархъ Никонъ, по собственному побужденію, пришелъ къ нему подъ вечеръ въ понедѣльникъ Пятидесятницы и просилъ его освятить церковь и совершить всю службу по-гречески... За службой присутствовалъ архидіаконъ московскаго патріарха съ нѣсколькими писцами, *чтобы записать весь чинъ*“. Иногда же дѣло происходило проще т. е. Макарій дѣлалъ указанія Никону единственно только на основаніи того, какъ самъ зналъ и представлялъ себѣ извѣстное церковное дѣйствіе и Никонъ, руководствуясь его указаніемъ,

¹⁾ Это свидѣтельство Павла алепскаго очень важно въ томъ отношеніи, что оно прямо и рѣшительно свидѣтельствуетъ, что Макарій указывалъ Никону на неправомерности русскихъ чиновъ и обрядовъ только на основаніи сличенія ихъ съ тогдашнимъ печатнымъ греческимъ Евхологіемъ, и Никонъ, исправляя наши чины и обряды по указаніямъ Макарія, на самомъ дѣлѣ исправлялъ ихъ по тогдашнимъ печатнымъ греческимъ книгамъ, какія тогда были на рукахъ у самого Макарія, или у другихъ бывшихъ тогда въ Москвѣ восточныхъ іерарховъ

безъ всякаго изслѣдованія и провѣрки, немедленно производилъ ту или другую перемѣну въ какомъ либо русскомъ церковномъ чинѣ. Такъ въ Великій четвергъ (1655 г.) въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи обоихъ патріарховъ, все было приготовлено къ совершенію чина елеосвященія, причемъ въ большую чашу налито было одно масло, а рядомъ съ нею поставленъ былъ кувшинъ съ виномъ и еще чаша наполненная пшеницей“. Когда патріархъ Никонъ, рассказываетъ Алепскій, спросилъ у нашего владыки, все-ли въ этомъ обрядѣ сдѣлано какъ слѣдуетъ, тотъ отвѣтилъ: „да, но одного только не хватаетъ, при этихъ словахъ онъ взялъ кувшинъ съ виномъ и налилъ на масло, какъ велитъ Ветхій Заветъ и Святое Евангеліе, гдѣ говорится, что Господь—да будетъ благословенно имя Его!—излилъ на раны человѣка, впавшаго въ руки разбойниковъ, вино вмѣстѣ съ масломъ. Никонъ согласился съ этимъ замѣчаніемъ и остался доволенъ“¹⁾.

Однажды только Никонъ не согласился съ указаніями и настояніями патріарха Макарія и поступилъ самостоятельно. Это именно въ вопросѣ объ освященіи воды въ праздникъ Богоявленія. Убѣдившись изъ древнихъ греческихъ и славянскихъ книгъ, что въ древнее время освященіе воды въ праздникъ Крещенія Господня совершалось одинъ разъ и именно: въ навечеріи праздника, и не въ церкви, а на рѣкѣ, Никонъ издалъ по этому поводу слѣдующее соборное постановленіе: „мы убо, по даннѣй благодати намъ отъ пресвятаго и животворящаго Духа, должны есмы, послѣдующе святымъ и богоноснымъ отцемъ, погрѣшенное отъ нѣкоторыхъ невѣждъ, исправить, да твердъ и непоколебимъ чинъ святыхъ восточныхъ церкви соблюдается, якоже и о чинѣ въ навечеріи святыхъ Богоявленій, како исходити ко крестильницѣ, въ греческихъ древнихъ и въ русскихъ старыхъ харатейныхъ уставѣхъ писано. И аще кто, по семъ нашемъ завѣщаніи, дерзнетъ инако мудрствовать, и не въ навечеріи святаго Богоявленія водоосвященіе дѣйствовать,—еже есть въ 5 день іануарія,—якоже святіи отцы уставили и затвердили, ко на самый праздникъ святаго Богоявленія дѣйствовать, яко же и прежде, не повинуюсь отеческому преданію,

¹⁾ Муркосъ, вып. IV, стр. 169, 179—180; вып. III, стр. 50—51, 181

да будетъ церковной казни повиненъ, еже есть: проклятію и отлученію“¹⁾. Противъ такого образа дѣйствій Никона по данному вопросу рѣшительно возсталъ патріархъ Макарій. Павелъ Алепскій рассказываетъ: „въ праздникъ крещенія, когда Никонъ намѣревался совершить службу водоосвященія только одинъ разъ и когда это его намѣреніе дошло до свѣдѣнія нашего владыки патріарха, послѣдній отправился къ нему и убѣждалъ его, что такое дѣйствіе неправильно... но въ этомъ случаѣ Никонъ не захотѣлъ послушать (Макарія), отвергнувъ его авторитетъ по сему предмету. Царь, между тѣмъ, думалъ, что Никонъ, именно по совѣту нашего владыки патріарха, совершилъ обрядъ такъ, какъ совершилъ его; но теперь, когда до его свѣдѣнія дошло, что дѣло было наоборотъ, онъ поспорилъ съ нимъ и выбралъ его, назвавъ *мужикъ бл...нъ сынъ*, т. е. глупый крестьянинъ. Патріархъ сказалъ ему: „я твой духовный отецъ, зачѣмъ же ты оскорбляешь меня?“ На что царь отвѣчалъ: „не ты мой отецъ, а святой патріархъ антиохійскій воистину мой отецъ“.... Этотъ рассказъ Алепскаго о ссорѣ царя съ Никономъ, при чемъ царь будто бы обругалъ Никона, есть конечно просто сплетня, составленная недоброжелателями Никона и которую Павелъ, самъ не бывшій свидѣтелемъ этаго событія, подхватилъ у какого нибудь болтуна, желавшаго этимъ понравиться антиохійцамъ²⁾. Никонъ, не смотря на всѣ убѣжденія Макарія

¹⁾ Рукопись библ. моск. духовн. академіи: Подлинное дѣло о судѣ надъ Никономъ, л 383.

²⁾ Муркозь, вып. IV, стр. 169. Въ этомъ извѣстіи справедливо только то, что тишайшій и благочестивѣйшій государь Алексѣй Михайловичъ, по обычаю тогдашняго времени, позволялъ себѣ публично браниться даже въ перкви во время богослуженія. Очень характерный въ этомъ отношеніи рассказъ мы находимъ у очевидца событія—Павла Алепскаго. Царь и антиохійскій патріархъ Макарій слушали всенощницу въ Саввинѣ монастырѣ, куда они пріѣхали на богомолье. Кончили службу, рассказываетъ Павелъ, и чтець началъ первое чтеніе изъ житія святаго, сказавъ по обычному началъ: „*благослови оче*“, какъ обычно говорятъ настоятелю. Въ это время царь сидѣлъ на креслѣ, а нашъ учитель на другомъ. Вдругъ царь вскакиваетъ на ноги и съ бранью говоритъ чтецу: „*што кафари, мужикъ бл...нъ сынъ* (въ этой странѣ у патріарха, царя и вельможъ главное ругательство, обыкновенно: „мужикъ, бл...нъ сынъ“ т. е. крестьянинъ, безумный, а слова: *што кафари* значать, „что ты говоришь“): *благослови, оче? и тутъ есть батріархъ, скажу: благослови фладико*“ т. е. „зачѣмъ ты говоришь: благослови, отче? тутъ патріархъ, скажи: благослови владыко“. (Ibid. стр. 126).

сохранить прежній чинъ водоосвященія т. е. совершать его по прежнему дважды: въ навечеріи крещенія въ церкви и на рѣкѣ въ самый день крещенія, остался при своемъ мнѣніи, какъ обязательномъ для всей русской церкви. Впослѣдствіи соборъ 1667 года сдѣлалъ поэтому вопросу такое постановленіе: „повелѣніе же и клятву, еже неразумно положию Никонъ, бывшій патріархъ, о дѣйствѣ освященныя воды на святыхъ Богоявленій, еже дѣйствовать единощи, точію въ навечеріи, разрѣшаемъ и разрушаемъ и въ ничтоже вмѣняемъ. Повелѣваемъ же и благословляемъ творити по древнему обычаю святыхъ восточныхъ церкви и по преданію святыхъ и богоносныхъ отцевъ: въ навечеріи дѣйствовать освященіе святыхъ водъ въ церквахъ, и по утрени—на рѣкѣ, яко же повелѣвають и вси церковныя уставы тѣже молитвы глаголати и дѣйствовать“ ¹⁾. Справедливость требуетъ однако замѣтить, что правда была на сторонѣ Никона, когда онъ утверждалъ, что древняя христіанская церковь знала только одно водоосвященіе—въ навечеріи Богоявленія, такъ какъ этотъ чинъ, выродившійся изъ обычая крестить оглашенныхъ въ ночь Богоявленія, дѣйствительно въ древней христіанской церкви совершался только одинъ разъ и именно—въ навечеріи Богоявленія. Такъ продолжалось до XI—XII вѣка, когда сталъ вводиться обычай двойнаго освященія воды: въ навечеріи въ церкви, а въ день праздника на рѣкѣ. Никонъ Черногорецъ для двукратнаго освященія воды не находитъ оправданія и основаній ни въ письменныхъ источникахъ, ни въ практикѣ великой церкви, ни въ уставахъ—іерусалимскомъ и студійскомъ. Въ славянскихъ уставахъ іерусалимской редакціи говорится то о двукратномъ, то объ однократномъ водоосвященіи. Въ греческой церкви обычай двукратнаго водоосвященія окончательно возобладалъ, съ теченіемъ времени, надъ однократнымъ и сдѣлался всюду господствующимъ. Но, очевидно, сравнительно съ однократнымъ водоосвященіемъ, онъ былъ обычаемъ новымъ, не смотря на его всеобщую распространенность ²⁾.

Передѣлывая русскіе церковныя чины и обряды по указа-

¹⁾ Матер. для ист. раск. т. II, стр. 237—238.

²⁾ И. Д. Маасветова: Церковный уставъ, его образованіе и судьба въ греческой и русской церкви, стр. 156—159, 178, 278.

ніямъ антиохійскаго патріарха Макарія, Никонъ рѣшился воспользоваться услугами послѣдняго, чтобы старый русскій клобукъ перемѣнить на новый греческій, и это потому, что старыя русскіе клобуки были некрасивы, тогда какъ греческій клобукъ очень шелъ къ Никону т. е. дѣлалъ его на видъ красивѣе. Естественно, что Никонъ самъ стѣснялся произвести эту реформу, зналъ, что она вызоветъ противъ него всеобщее неудовольствіе, но искушеніе украсить свою голову болѣе красивымъ греческимъ клобукомъ было такъ велико, что онъ вошелъ поэтому случаю въ заговоръ съ патріархомъ Макаріемъ и научилъ его какъ дѣйствовать, чтобы прилично для своего патріаршаго достоинства достигнуть желанной цѣли. Объ этомъ казусѣ подробно рассказываетъ соучастникъ въ дѣлѣ—Павель Алепскій. „Патріархъ Никонъ, говоритъ онъ, имѣя большую любовь къ греческимъ камилавкамъ и клобукамъ, сдѣлалъ себѣ нынѣ новый бѣлый клобукъ, по покрою клобуковъ греческихъ монаховъ, только надъ глазами вышить золотомъ и жемчугомъ херувимъ. Клобуки московскихъ монаховъ, ихъ архіереевъ и патріарха, весьма некрасивы: всѣ они вязаны изъ шерсти, не имѣютъ камилавокъ, но пришиты къ скуфьямъ безъ кружка, а съ мѣховой опушкой. Клобуки монаховъ очень велики, закрываютъ глаза и уши и ниспадають на плечи: изъ подъ нихъ едва различишь ихъ лица... Зная любовь къ себѣ царя, и пользуясь присутствіемъ нашего учителя, одного изъ вселенскихъ патріарховъ, Никонъ переговорилъ сначала съ нимъ и втайнѣ передалъ ему въ алтарѣ упомянутый клобукъ, какъ обыкновенно, съ камилавкой, прося его походатайствовать предъ царемъ, чтобы тотъ возложилъ ихъ на него, Никона, ибо онъ сильно опасался, какъ бы міряне не стали говорить ему: „ты уничтожилъ древній нашъ обычай и одѣяніе нашихъ первыхъ святыхъ архіереевъ“. Такъ это и случилось съ нимъ потомъ, именно: когда онъ надѣлъ новый клобукъ, на него сильно возроптали, хотя и скрытно, изъ боязни царя. Нашъ учитель, подойдя къ царю, сказалъ ему такъ: „насъ четыре патріарха въ мірѣ и одѣяніе у всѣхъ насъ одинаково; съ нашего разрѣшенія поставленъ этотъ братъ нашъ патріархомъ московскимъ, въ равномъ достоинствѣ съ римскимъ папой, признакъ коего тотъ, что онъ отличается отъ насъ бѣлымъ одѣяніемъ. Если угодно твоему

царскому величеству, я желалъ бы надѣть на него эту камилавку и клобукъ, которые сдѣлалъ для него вновь, что бы онъ носилъ ихъ подобно намъ“. Царь, по своей великой любви къ патріарху Никону, былъ очень радъ и отвѣчалъ нашему учителю: „*батьюшка добро!* т. е. хорошо, принялъ отъ нашего учителя, поцѣловалъ, велѣлъ Никону снять старыя клобукъ и камилавку и надѣть на него новыя. Когда онъ возложилъ ихъ на патріарха, лицо послѣдняго засіяло: этотъ греческій уборъ очень шелъ къ нему, прежній же, какъ мы сказали, безобразилъ ихъ, будучи скуфьею, а не камилавкой, и съ клобукомъ малымъ, короткимъ и стянутымъ. Патріархъ былъ очень радъ, но присутствующіе архіереи, настоятели монастырей, священники и міряне, видя это, сильно возроптали на Никона и говорили: „смотрите, какъ онъ перемѣняетъ одѣяніе архіереевъ, которое они приняты по внушенію Святаго Духа съ того времени, какъ мы сдѣлались христіанами чрезъ св. Петра. Какъ земля не поколеблется подъ нимъ! ибо, одѣваясь доселѣ по московски, онъ сдѣлался грекомъ“. Народъ впослѣдствіи сильно негодовалъ на него, но втайнѣ, изъ страха предъ царемъ. Подъ конецъ всѣ архіереи и монахи пожелали перемѣнить свое прежнее одѣяніе, которое дѣлало ихъ смѣшными“¹⁾.

Это безцѣльное, и по существу конечно довольно безобидное, переодѣванье Никона, удовлетворяя его личному эстетическому вкусу, вызвало одноко, какъ слишкомъ бросавшееся въ глаза и видимое всѣми ненужное новаторство, сильное неудовольствіе на него въ народѣ, давало лишній поводъ его противникамъ нападать на него, какъ на презрительнаго и отметателя родной святой старины, такъ какъ народъ и на самыя одежды церковно-іерархическихъ лицъ смотритъ какъ на нѣчто священное, неизмѣняемое, немогущее подчиняться измѣнчивымъ требованіямъ времени и вкуса.

Сдѣланный нами краткій обзоръ исключительно церковно-обрядовой реформаторской дѣятельности Никона показываетъ, что Никонъ, подъ вліяніемъ и воздѣйствіемъ на него пріѣзжавшихъ въ Москву восточныхъ іерарховъ—милостыне собирателей, пришелъ къ убѣжденію, будто церковныя чины

¹⁾ Муркосъ, вып. IV, стр. 107—109.

и обряды, которыми рускіе порознились съ современными греками, были нововводные, несогласные съ истинно православными древними чинами и обрядами, которые въ ихъ первоначальномъ видѣ сохранились именно у современныхъ грековъ. Усвоивши себѣ такой взглядъ на особенности русскаго церковнаго чина и обряда, по сравненію его съ тогдашнимъ греческимъ, Никонъ логически неизбѣжно долженъ былъ придти къ мысли немедленно заняться исправленіемъ всего, что въ русской церкви было нововводнаго, испорченнаго, неправдаго,—это былъ, очевидно, его прямой долгъ и обязанность, какъ архипастыря русской церкви. А такъ какъ Никонъ на обрядъ смотрѣлъ, какъ и большинство тогдашнихъ русскихъ т. е. приравнивалъ его къ вѣроученію, то и считалъ себя прямо обязаннымъ показать свою архипастырскую ревность прежде всего на исправленіи неправдаго, по его мнѣнію, русскаго обряда, изъ опасенія, какъ бы изъ за неправдаго обряда не замутилось на Руси самое православіе и вся страшная отвѣтственность за это не пала на него—Никона патріарха. Конечно, если бы Никонъ подошелъ къ затронутому имъ вопросу о правотѣ или неправотѣ русскаго обряда инымъ путемъ, именно: путемъ предварительнаго болѣе или менѣе тщательнаго изслѣдованія и изученія своей и греческой старины, то, вѣроятно, онъ пришелъ бы и къ другому взгляду на особенности русскаго церковнаго обряда и иначе бы, конечно, сталъ проводить тогда и свою церковную реформу, не слѣдуя рабски за указаніями восточныхъ іерарховъ милостыне-сбирателей. Такъ онъ дѣйствительно и поступилъ въ вопросѣ объ освященіи воды въ Богоявленіе, когда отказался послѣдовать настояніямъ антиохійскаго патріарха Макарія потому именно, что изъ древнихъ греческихъ и славянскихъ книгъ убѣдился, что въ древнее время освященіе воды въ Богоявленіе совершалось только одинъ разъ, а не два, какъ увѣрялъ и настаивалъ патріархъ Макарій. Но, къ сожалѣнію, путь самостоятельнаго изученія греческой и русской церковной старины для Никона, вовсе не получившаго какого либо правильнаго, а тѣмъ болѣе научнаго образованія, былъ рѣшительно недоступенъ, и потому онъ по необходимости принималъ на вѣру неосновательныя и прямо иногда несправедливыя заявленія своихъ случайныхъ руководителей, будто особенности русскаго церковнаго

чина и обряда представляют изъ себя нововведеніе, искаженіе древняго церковнаго чина и обряда, и, при этомъ, искаженіе чуть-ли не еретическое. Не вѣрить своимъ руководителямъ и учителямъ, людямъ болѣе его свѣдущимъ и образованнымъ, какими они представлялись ему—простому начетчику, онъ не имѣлъ сколько-нибудь серьезныхъ данныхъ. Конечно, соборный отвѣтъ константинопольскаго патріарха Паисія могъ бы раскрыть Никону глаза на значеніе въ христіанской церкви обряда вообще и уяснить ему истинный смыслъ и полную ненужность нѣкоторыхъ его обрядовыхъ реформъ; но важность этихъ отвѣтовъ константинопольскаго патріарха парализовалась присутствіемъ въ Москвѣ антиохійскаго патріарха Макарія и другихъ восточныхъ іерарховъ—милостынесобирателей, которые усердно поддерживали Никона въ его стремленіи исправлять русскіе нововводные чины и обряды, служили ему авторитетными совѣтчиками и руководителями, всегда готовыми оправдать и подкрѣпить своимъ авторитетомъ все его самыя рѣзкія и необдуманныя мѣры, направленные на уничтоженіе въ русскомъ церковномъ обрядѣ и чинѣ всего, что въ немъ было несогласнаго съ тогдашнимъ греческимъ церковнымъ чиномъ и обрядомъ. Подчиняясь указаніямъ и руководству этихъ случайныхъ пришлецовъ, ихъ голосъ принимая за голосъ всей греческой церкви, не имѣя сомнѣній въ правильности и полной компетентности ихъ указаній, Никонъ, по крайней мѣрѣ въ то время, искренно вѣрилъ, что своими церковно-обрядовыми реформами онъ дѣйствительно спасаетъ русскую церковь отъ серьезной грозившей ей опасности исказить истинное православіе. Эта увѣренность, что онъ дѣлаетъ великое и святое дѣло—спасаетъ отъ искаженія русское православіе, побуждала Никона дѣйствовать въ своихъ реформахъ быстро, рѣшительно и энергично, не обращая вниманія на раздававшіеся повсюду вокругъ его протесты, обвиненія въ новаторствѣ и чуть не еретичествѣ, заставляла его пренебрегать и общественнымъ мнѣніемъ, очень ему враждебнымъ, и личною безопасностію, которой угрожало возникшее противъ него сильное раздраженіе,—всякія колебанія, нерѣшительность и медленность, казалось ему, вовсе неумѣстны въ такомъ важномъ и святомъ дѣлѣ.

Очевидно у Никона не хватало одного, но очень важнаго

для него, какъ реформатора, качества: онъ не имѣлъ о своемъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ въ началѣ, надлежащаго правильнаго представленія, онъ дѣйствовалъ, правда, очень искренно и съ большимъ увлеченіемъ, но дѣйствовалъ по подсказкамъ другихъ, подъ ихъ руководствомъ и по ихъ указаніямъ, благодаря чему и его собственное отношеніе къ своей реформѣ въ послѣдствіи, когда онъ приобрѣлъ болѣе вѣрный взглядъ на нее, значительно, какъ увидимъ ниже, измѣнилось. Въ виду этого, главная доля отвѣтственности какъ за самый церковно-обрядовой характеръ реформы Никона, такъ значительно и за характеръ ея выполненія, падаетъ на его совѣтчиковъ и руководителей восточныхъ іерарховъ—милостынесобирателей и изъ нихъ, по преимуществу и главнымъ образомъ, на антиохійскаго патріарха Макарія. Послѣдній своими совѣтами и указаніями, своимъ публичнымъ словеснымъ и письменнымъ заявленіямъ, что двоеперстіе есть армянская ересь, своей торжественно провозглашенной аваемой на двоеперстіе, и другими подобнаго рода дѣйствіями, необходимо не только вводилъ Никона въ обманъ, но и принималъ въ обрядовыхъ реформахъ Никона настолько живое и дѣятельное участіе, что Никонъ, безъ поощренія и поддержки Макарія, едва ли бы самъ рѣшился на крутую ломку русской церковной старины. Даже болѣе. Никонъ, вѣроятно, пришелъ бы прямо въ ужасъ, если бы узналъ и убѣдился, что измѣняя русскіе обряды, какъ нововводные и неправые, онъ, въ дѣйствительности, измѣнялъ древніе православные греческіе обряды, принятые русскими отъ древнихъ грековъ и у русскихъ неизмѣнно сохранившіеся, тогда какъ позднѣйшіе греки замѣнили свои старые обряды новыми, почему между ними и русскими обрядами и явилось, съ теченіемъ времени, несогласіе. Слѣдовательно, Никонъ своими реформами не возстановлялъ старый греческій обрядъ, какъ онъ думалъ и воображалъ, но только замѣнялъ новогреческимъ обрядомъ старогреческій, сохранившійся у русскихъ.

Что слишкомъ поспѣшная и крутая ломка русскаго церковнаго обряда не вынуждалась какою либо дѣйствительною, насущною потребностію и необходимостію тогдашней нашей церковной жизни, это понятно само собою. Бѣда тогдашней религіозной жизни русскихъ заключалась вовсе не въ томъ,

что русская церковь имѣла свой мѣстный чинъ и обрядъ, нѣсколько отличный, въ очень неважныхъ и безразличныхъ частностяхъ, отъ современнаго греческаго чина и обряда. Недаромъ, конечно, и соборная грамота константинопольскаго патріарха Паисія поучала Никона: „не слѣдуетъ намъ думать, будто извращается наша православная вѣра, если кто нибудь имѣетъ чинопослѣдованіе, нѣсколько отличающееся въ вещахъ, которыя не принадлежатъ къ числу существенныхъ или членовъ вѣры; лишь бы соглашался въ важныхъ и главныхъ съ католическою церковію“. Или, въ другомъ мѣстѣ та же грамота говоритъ, что мѣстныя особенности церковнаго чина и обряда не должны „производить никакого раздѣленія (въ церкви вселенской), если только сохраняется неизмѣнно одна и та же вѣра. Это потому, что церковь наша не съ самаго начала получила тотъ уставъ чинопослѣдованій, который содержитъ въ настоящее время, а мало-по-малу“. Значитъ, съ точки зрѣнія константинопольской церкви, официально выраженной въ соборномъ посланіи константинопольскаго патріарха Паисія на вопросы Никона, русская церковь всегда имѣла и имѣетъ полное право на свой мѣстный обрядъ, и это нисколько не повредитъ ея единенію съ церковію греческою, поскольку обѣ онѣ остались вѣрными одному и тому же православному ученію. И такъ, повторимъ, бѣда заключалась вовсе не въ томъ, въ чемъ полагалъ ея Никонъ—что русская церковь имѣла нѣкоторые обряды не во всемъ тождественные съ современными греческими, а собственно въ томъ, что русскіе того времени, и самъ реформаторъ Никонъ, имѣли объ обрядѣ неправильное представленіе, что они свой, уже помѣстный тогда обрядъ, считали за единственно правильный и потому для всѣхъ обязательный, отъ него, какъ нормы, не только заключали о правильности или неправильности обряда во всѣхъ другихъ православныхъ церквахъ, но о православіи или неправославіи самаго содержимаго ими вѣроученія, такъ какъ иной обрядъ, по ихъ убѣжденію, указывалъ и на иное ученіе, почему они и къ православію самихъ грековъ, какъ имѣющихъ кое-какіе иные обряды, чѣмъ у русскихъ,—относились очень подозрительно. Отсюда понятнымъ становится, что отъ Никона реформатора требовалось не уничтоженія особенностей русскаго церковнаго обряда сравнительно съ тогдашнимъ гре-

ческимъ, а уничтоженія неправильныхъ представленій русскихъ объ обрядѣ, требовалось установить и уяснить имъ истинный взглядъ на обрядъ, его происхожденіе, отношеніе къ вѣроученію, значеніе въ церкви, на его историческую постепенную измѣняемость и потому неодинаковость въ извѣстное время въ разныхъ помѣстныхъ церквахъ; требовалось возвысить, просвѣтить религіозно-христіанское сознаніе русскихъ, чтобы имъ вполне доступно и понятно было представленіе о единствѣ церкви вселенской, при существованіи обрядовыхъ разностей въ отдѣльныхъ помѣстныхъ церквахъ. А между тѣмъ церковно-обрядовая реформа Никона и не удовлетворяла нисколько этой насущной потребности русскихъ: какъ имѣвшая дѣло исключительно съ обрядомъ, она по прежнему приковывала все вниманіе русскихъ къ обряду, къ буквѣ, а не къ духу и смыслу христіанскаго ученія, она ничѣмъ не расширяла, не углубляла и не просвѣтляла русскаго религіознаго сознанія, а только поддерживала и утверждала русскихъ въ справедливости ихъ стараго ошибочнаго представленія, что въ дѣлѣ вѣры и благочестія обрядъ играетъ самую первостепенную роль, такъ что даже самое малѣйшее измѣненіе въ обрядѣ, хотя бы уже освященное вѣковымъ его употребленіемъ въ церкви и вовсе не соединенное съ какимъ либо неправильнымъ церковнымъ ученіемъ, какъ это именно и было у русскихъ, не можетъ быть однако терпимо въ православной церкви. Вотъ почему, по нашему мнѣнію, со стороны Никона было большею ошибкою начинать свою реформаторскую дѣятельность съ измѣненія русскаго церковнаго чина и обряда, выдвигать эту сторону своей реформы на первый планъ, на ней по преимуществу сосредоточивать свою энергію, не обращая при этомъ вниманія на то очевидное обстоятельство, что такая реформа, веденная притомъ исключительно сверху, съ полнымъ пренебреженіемъ къ общественному мнѣнію, народному пониманію и заявленіямъ представителей народнаго большинства, можетъ повести къ расколу въ единой дотолѣ русской церкви ¹⁾).

¹⁾ Говоримъ все это вовсе не въ видахъ обвиненія лично Никона, котораго менѣ всего можно обвинять за церковно-обрядовой характеръ его реформы. Вина этого заключается прежде всего въ воззрѣніяхъ тогдашняго русскаго общества, придававшего преувеличенно важное зна-

Въ доказательство неизбежности и необходимости для Никона произвести именно церковно-обрядовую реформу,

ченіе всякому обряду Никонъ былъ во всемъ сынъ своего времени, и ни условія его воспитанія, ни постынная среда, въ которой онъ врастался, не дали ему возможности разглядѣть ошибочности господствовавшаго тогда у насъ взгляда на обрядъ, возвыситься надъ уровнемъ прочно установившихся въ обществѣ понятій, отнестись къ нимъ критически и выработать себѣ иныя, болѣе вѣрныя воззрѣнія. А между тѣмъ въ Москву являются восточные іерархи—милостыне-собиратели, сближаются здѣсь съ Никонѣмъ и начинаютъ „зазирать“ ему, что будто бы русская церковь содержитъ неправый, чуть не еретическій обрядъ, въ родѣ армянскаго двоеперстія, и что Никону, въ интересахъ православія, слѣдуетъ всячески позаботиться исправить нечестивые русскіе обряды. Близо къ сердцу принялъ впечатлительный, ревностный къ православію Никонъ эти зазиранія восточныхъ іерарховъ, искренно сталъ думать, что содержимый русскою церковію неправый будто бы обрядъ, дѣйствительно грозитъ серьезною опасностію русскому православію. Въ своихъ зазирателяхъ Никонъ видѣлъ людей болѣе его свѣдущихъ, образованныхъ и опытныхъ въ веденіи церковныхъ дѣлъ, и потому вполнѣ и искренно повѣрилъ въ справедливость и истинность ихъ зазираній. Находявшіеся въ Москвѣ ученые кіевляне, тоже подтверждали справедливость заявленій греческихъ іерарховъ, такъ какъ и въ южно русской церкви существовали равнѣ подобныя же обряды и тоже были исправлены по образцу греческихъ, ученымъ кіевскимъ митрополитомъ Петромъ Могилою. Подъ такими неотразимыми для Никона вліяніями и воздѣйствіями, при его московской вѣрѣ въ обрядъ, какъ равный вѣроученію, Никонъ не избѣжно долженъ былъ придти къ мысли о дѣйствительной испорченности нѣкоторыхъ русскихъ обрядовъ и о необходимости немедленнаго ихъ исправленія. Не могъ же въ самомъ дѣлѣ Никонъ объяснять и доказывать болѣе его образованнымъ восточнымъ іерархамъ и ученымъ кіевлянамъ, что они рѣшительно ошибаются въ пониманіи важности и значенія въ церкви особенностей въ обрядахъ, что они невѣрно и ошибочно принимаютъ русскій обрядъ за неправый, а русское перстосложеніе даже за армянское еретическое, тогда какъ въ дѣйствительности оно настоящее православное перстосложеніе, равнѣ употреблявшееся самою греческою церковію; невозможно было ожидать и требовать отъ Никона что бы онъ, только обыкновенный, хотя и очень даровитый московскій начѣтчикъ, незнавшій, что такое богословская и вообще наука, разъяснилъ своимъ образованнымъ зазирателямъ и совѣтчикамъ, что русская церковь, какъ и всякая другая, имѣетъ полное право на свой помѣстный обрядъ, если только не соединяетъ съ нимъ какого либо противнаго православію ученія, что и въ древнее время въ различныхъ помѣстныхъ церквахъ обрядъ былъ очень не одинаковъ, однако это не мѣшало имъ держаться единаго православнаго ученія и составлять единую вселенскую православную церковь. Подобныхъ разъясненій нужно было ожидать вовсе не отъ Никона, а отъ его образованныхъ и ученыхъ

указываютъ обыкновенно на то, что будто бы дальнѣйшее оставленіе особенностей русскаго церковнаго чина и обряда, хотя и не заключающихъ въ самихъ себѣ чего либо дѣйствительно неправославнаго, грозило однако разрушить въ будущемъ единеніе русской церкви съ греческою“. Необходимо было, говорить нашъ церковный историкъ—высокопреосвящ. Макарій, устранить всѣ этаго рода (т. е. обрядовыя) несогласія нашей церкви съ греческою, чтобы онѣ не повели къ серьезнымъ столкновеніямъ и даже къ разрыву между обоими церквами“. Но уже чрезъ двѣ страницы далѣе достопочтенный историкъ самъ же уничтожаетъ основательность только что сдѣланнаго имъ предположенія: о возможности разрыва между русскою и греческою церквами изъ-за нѣкоторыхъ неважныхъ обрядовыхъ разностей. Именно: указывая на тотъ фактъ, что Никонъ, въ концѣ своего патріаршества, призналъ одинаково добрыми и старыя и новыя служебники, что онъ дозволилъ Неронову служить по старымъ книгамъ и держаться стараго обряда, историкъ говоритъ: „отсюда можемъ заключать, что если бы продолжалось служеніе патріарха Никона, и онъ скоро не оставилъ своей каѳедры, то онъ, можетъ быть, дозволилъ бы и всѣмъ единомысленникамъ Неронова, приверженцамъ старопечатныхъ книгъ, тоже самое, что дозволилъ Неронову: лишь бы только они покорились церкви и церковной власти. И тогда,

---

заирателей и руководителей. Это была даже ихъ прямая обязанность, какъ скоро они рѣшились дѣлательно вмѣшаться въ русскія церковныя дѣла. А между тѣмъ они то именно и толкнули Никона на путь исправленій русскаго обряда, и дѣлательно посщряли и поддерживали его на этомъ пути. Для чести и оправданія Никона достаточно и того, что онъ, благодаря своему свѣтлому уму, дѣйствительно пришелъ впоследствии къ той вѣрной мысли, что старыя и новоисправленные служебники одинаково добры, что можно служить по тѣмъ и другимъ, что можно одинаково держаться и стараго и новоисправленнаго обряда, и что эта вѣрная мысль Никона была потомъ усвоена и высказывалась и нѣкоторыми русскими іерархами. Такъ патріархъ Іоакимъ говорилъ впоследствии двоеперстникамъ, уже открыто возставшимъ противъ церковныхъ властей:“ кто какъ хочетъ, такъ и крестится—двѣма-ли персты, трема-ли, или всею дланію, *то все едино*, лишь бы знаменіе на себѣ вообразити, и мы о томъ ве истязуемъ (Саввы Романова, въ Лѣтописяхъ русской литер и древностей, т V). Къ сожалѣнію, эта вполне правильная мысль не была принята нашимъ церковнымъ правительствомъ, какъ руководственное начало въ его отношеніяхъ къ старообрядству.

сохраняя единство православной вѣры и подчиняясь одной и той же церковной іерархіи, русскіе, одни совершали бы службы по новоисправленнымъ книгамъ, а другіе по книгамъ исправленнымъ и напечатаннымъ прежде, несмотря на всѣ различия между ними, подобно тому, какъ до Никона одни совершали у насъ службы по старымъ служебникамъ и требникамъ, напечатаннымъ и правленнымъ при патриархахъ Іовѣ, Гермогенѣ и Филаретѣ, а другіе по вновь исправленнымъ служебникамъ и требникамъ, напечатаннымъ при патриархахъ Іоасафѣ и Іосифѣ, хотя между тѣми и другими служебниками и требниками есть значительныя различия. Такимъ образомъ расколъ, начавшійся при Никонѣ, мало-помалу прекратился бы, и на мѣсто его водворилось бы такъ называемое нынѣ единовѣріе ¹⁾. Но если въ предѣлахъ одной помѣстной церкви русской можно было безопасно держаться различнаго обряда, отправлять различныя службы по неодинаковымъ, заключающимъ въ себѣ „значительныя различия“ служебникамъ, и въ тоже время составлять единую помѣстную церковь, то тѣмъ болѣе, конечно, таже самая различность въ нѣкоторыхъ обрядахъ, содержимыхъ двумя самостоятельными помѣстными церквами, никакъ уже не могла, очевидно, повести „къ серьезнымъ столкновѣніямъ и даже разрыву между ними“. Это вполне подтверждается и тѣми отношеніями, какія существовали между русской и греческой церквами до Никона. Разность въ церковныхъ обрядахъ русскихъ и грековъ, обнаружилась у насъ еще съ конца XV вѣка, а между тѣмъ это нисколько не мѣшало фактическому единенію церквей и ихъ постояннымъ взаимоотношеніямъ, которыя съ теченіемъ времени не только не ведутъ къ разрыву, но становятся все шире и тѣснѣе. Съ начала XVI вѣка въ Москву начинаютъ приходять изъ самыхъ различныхъ мѣстъ православнаго востока митрополиты, архіепископы и епископы восточныхъ кафедръ, настоятели и братія различныхъ восточныхъ монастырей, въ качествѣ просителей милостыни у своихъ единовѣрцевъ русскихъ. Они встрѣчаютъ радушный пріемъ въ Москвѣ, иногда подолгу живутъ въ ней и получаютъ отъ правительства не-

---

¹⁾ Патриархъ Никонъ въ дѣлѣ исправленія церковныхъ книгъ и обрядовъ, стр. 112, 115.

скудную милостыню. Къ концу XVI вѣка мы встрѣчаемъ въ Москвѣ, какъ просителей милостыни, уже двухъ патріарховъ восточныхъ каедръ: антиохійскаго Іоакима и константинопольскаго Іеремію, благодаря чему между патріаршими восточными каедами, и изъ нихъ константинопольской по преимуществу, и русскимъ правительствомъ, устанавливаются, съ конца XVI вѣка и въ первой половинѣ XVII, непрерывныя живыя сношенія. Русское правительство стремится использовать эти сношенія въ своихъ видахъ и интересахъ: чтобы придать болѣе силы и блеска царскому вѣнчанію Ивана Васильевича Грознаго, оно обращается за утвержденіемъ его къ восточнымъ патріархамъ. Воспользовавшись пріѣздомъ въ Москву константинопольскаго патріарха Іеремію оно, съ его согласія, учреждаетъ у насъ патріаршество и даже выражаетъ желаніе признать, при извѣстныхъ условіяхъ, къ церковности не имѣющихъ никакого отношенія, самого Іеремію главою русской церкви — московскимъ патріархомъ, и только послѣ его отказа, патріархомъ московскимъ поставляется Іеремію Іовъ. Освященіе и благословеніе восточными іерархами такихъ важнѣйшихъ актовъ нашей государственной и церковной жизни, сдѣланное притомъ по инициативѣ и настояніямъ самаго русскаго правительства, ясно показываетъ, что оно придавало участію въ этихъ актахъ восточныхъ патріарховъ очень важное и существенное значеніе, какого бы оно никакъ не могло придавать имъ, если бы видѣло въ восточныхъ патріархахъ людей неполнѣ и строго православныхъ. Сближеніе русской церкви съ греческою идетъ затѣмъ и далѣе. Эласонскій архіепископъ Арсеній, пріѣхавшій въ Москву съ константинопольскимъ патріархомъ Іеремію, остается навсегда въ Москвѣ, служить здѣсь и называется у насъ суздальскимъ. Ахридскій архіепископъ Нектарій, пріѣхавшій еще при Годуновѣ, дѣлается у насъ вологодскимъ епархіальнымъ архіереемъ, а другой греческій архіерей—Игнатій, рязанскимъ. Игнатій потомъ законно былъ избранъ и безъ всякаго протеста поставленъ русскими архіереями въ патріархи московскіе, такъ что онъ нѣкоторое время управлялъ всею русскою церковію, какъ ея законный глава. Очевидно, постоянныя непрерывныя сношенія съ православнымъ востокомъ привели постепенно высшее передовое московское общество,

и прежде всего само правительство, къ мысли, что тогдашнiе греки столь же православны, какъ и русскiе, почему московскiй патрiархъ спокойно можетъ принимать ставленiе отъ греческаго патрiарха, греческiй архiereй можетъ быть и русскимъ епархiальнымъ архiereемъ и даже патрiархомъ московскимъ. Филаретъ Никитичъ, этотъ ненавистникъ латинства и уни, строгiй ревнитель православiя, принимаетъ свое поставленiе въ патрiархи отъ iерусалимскаго патрiарха Теофана, къ которому затѣмъ до самой своей смерти относится съ великимъ почтенiемъ и уваженiемъ. Филаретъ Никитичъ еще болѣе усиливаетъ постоянныя живныя сношенiя съ восточными патрiархами, а у себя дома—на Москвѣ содержитъ нѣсколькихъ прiѣзжихъ въ Москву за милостынею греческихъ архiereевъ, которые не только принимаютъ участiе во всѣхъ русскихъ церковныхъ службахъ и церемонiяхъ, пользуются особымъ расположенiемъ патрiарха, но даже присутствуютъ на торжественныхъ прiемахъ Филаретомъ Никитичемъ иностранныхъ пословъ. Вообще всѣ предубѣжденiя противъ православiя тогдашнихъ грековъ, уже съ конца XVI вѣка, начинаютъ окончательно вымирать при московскомъ дворѣ и замѣняться другимъ убѣжденiемъ, что современные греки, съ ихъ iерархiею, такъ же православны, какъ и русскiе, несмотря на то, что нѣкоторые ихъ церковныя обычаи и несогласны кое въ чемъ съ русскими. Очевидно, столь распространенный ранѣе среди русскихъ взглядъ на тогдашнихъ грековъ, какъ на потерявшихъ истинное строгое православiе, благодаря постояннымъ живымъ сношенiямъ съ православнымъ востокомъ, особенно усилившимся съ конца XVI вѣка, какъ взглядъ ошибочный и несправедливый, былъ осужденъ на постепенное естественное вымирание, долженъ былъ самъ собою уступить, съ теченiемъ времени, мѣсто другому—правильному взгляду, что современные греки такъ же православны, какъ и русскiе. Значитъ, нѣкоторая разность въ обрядахъ никакъ не могла служить въ будущемъ препятствiемъ къ единенiю церковей—греческой и русской, какъ она не служила такимъ препятствiемъ ранѣе, не служитъ и теперь, хотя и послѣ церковной реформы Никона разности въ церковныхъ чинахъ и обрядахъ у грековъ и у русскихъ существовали всегда, существуютъ и сейчасъ. Если же въ дѣйствительности старые

взгляды на грековъ, какъ на потерявшихъ истинное православіе, не только не умерли у насъ окончательно, но въ известной части русскаго общества, заявили потомъ себя съ особою рѣзкостью и силою, то на это имѣлись особыя причины. Церковно-обрядовая реформа Никона, веденная имъ елишкомъ круто, спѣшно, съ публичнымъ признаніемъ особенностей тогдашняго русскаго церковнаго обряда чуть не еретичествомъ, и все это при дѣятельномъ участіи и одобреніи бывшихъ тогда въ Москвѣ восточныхъ іерарховъ,—естественно, особенно въ провинціальныхъ кругахъ, оживила и придавала новую силу уже вымиравшимъ было взглядамъ на современныхъ грековъ, какъ на потерявшихъ истинное православіе. Эти старыя взгляды, подѣ влияніемъ реформы Никона, вновь ожили теперь съ особою силою и яркостью, были систематически вновь разработаны, вновь аргументированы и популяризованы приверженцами старинны въ широкихъ массахъ народа, въ цѣляхъ подорвать въ глазахъ народа всякое значеніе произведенныхъ Никономъ реформъ.

Вполнѣ возможно однако, что Никонъ могъ бы произвести свои церковно-обрядовыя реформы, въ видахъ соглашенія русскаго церковнаго чина и обряда съ тогдашнимъ греческимъ, и безъ тѣхъ тяжелыхъ церковныхъ потрясеній, какими онѣ сопровождались въ дѣйствительности, такъ какъ дѣло это у насъ не было нѣчто новое и необычайное, а наоборотъ: нѣчто старое, не разъ происходившее ранѣе въ русской церковной жизни. Русская церковь приняла отъ Константинопольской церкви весь церковный чинъ и обрядъ и всю вообще церковно-обрядовую практику, какъ она тогда существовала въ Константинополѣ. Но въ XI вѣкѣ и у самихъ грековъ церковная практика во всѣхъ своихъ частностяхъ и подробностяхъ далеко еще не установилась, она и тамъ продолжала еще развиваться и видоизмѣняться. Даже самый церковный уставъ (типикъ), которымъ регулировалось все церковное богослуженіе, перемѣнился въ Константинопольской церкви: тамъ, послѣ XI вѣка, вмѣсто Студійскаго устава, перешедшаго и къ намъ русскимъ и опредѣлявшаго всю нашу церковную практику, введенъ былъ такъ называемый Іерусалимскій уставъ, который окончательно вытѣснилъ собою студійскій, а это необходимо должно было

произвести значительныя перемѣны и во всей греческой церковной практикѣ. И вотъ въ то время, когда константинопольская церковь уже окончательно перешла къ Іерусалимскому уставу, и на его почвѣ стала разрабатывать и рѣшать всѣ встрѣчавшіеся церковно-практическіе вопросы, русскіе остались при прежнемъ Студійскомъ уставѣ, вслѣдствіе чего ихъ церковная практика необходимо должна была значительно разойтись съ современною практикою константинопольской церкви. Благодаря постояннымъ живымъ сношеніямъ съ православнымъ востокомъ, и особенно благодаря митрополитамъ грекамъ, къ намъ, конечно постепенно, переходило многое изъ того новаго, что вырабатывалось и устанавливалось позднѣйшею греческою церковною практикою, но переходило по частямъ, случайно и, сталкиваясь у насъ съ студійскими порядками, на востокъ уже отмѣненными, вызывало недоумѣнія, споры, вопросы. Вслѣдствіе этого являлась потребность болѣе широкаго и основательнаго соглашенія старыхъ русскихъ церковныхъ порядковъ съ новыми, идущими съ востока, или, другими словами, явилась потребность, въ видахъ соглашенія русской церковной практики съ греческою, замѣнить и у насъ Студійскій уставъ практиковавшимся тогда всюду на востокъ іерусалимскимъ. Въ этомъ отношеніи особенно много сдѣлалъ у насъ митрополитъ Кипріанъ, а потомъ митрополитъ Фотій. Знатокъ этаго дѣла, проф. И. Д. Мансветовъ, по поводу интересующаго насъ вопроса, говоритъ слѣдующее: „съ XIV вѣка число славянскихъ рукописныхъ требниковъ начинаетъ увеличиваться, а въ XV вѣкѣ являются такія полныя записи, какъ синодальныя № 374—376, заключающія до 180 статей литургическаго и каноническаго содержанія. Благодаря болѣе близкимъ сношеніямъ съ востокомъ, наши церковныя власти заботятся о соглашеніи славянскихъ служебныхъ чиновъ съ греческими, усваиваютъ себѣ результаты тамошняго литургическаго движенія и стремятся довести уровень обряда до той высоты, на которой онъ стоялъ при патриархахъ Каллиствѣ, Исидорѣ и Филофѣе. Московскіе митрополиты принимаютъ на себя эту заботу и, при посредствѣ восточныхъ властей, вводятъ новыя чины и устанавливаютъ дополнительную, детальную сторону Евхологія. Вопросы по исправленію обряда занима-

ютъ митрополитовъ Кипріана и Фотія и вызываютъ съ ихъ стороны рядъ практическихъ мѣръ къ осуществленію этой мысли. Значительный вкладъ въ эту область дѣлаетъ Аeonъ, и памятникомъ живыхъ книжныхъ сношеній съ нимъ, особенно же съ Хиландаремъ, является множество рукописей служебнаго содержанія сербскаго извода, дошедшихъ отъ XIV—XV вѣковъ, а между ними и нѣсколько требниковъ. Такимъ образомъ происходило увеличеніе состава требника, и въ него входили чины и молитвы, которыхъ дотолѣ не было. Въ отношеніи литургіи такою крупною прибавкою было введеніе устава Филофеева и чинъ литургіи преждеосвященныхъ, стоявшій съ первымъ въ необходимой связи и служившій существеннымъ его продолженіемъ. Обряды крещенія дополняются молитвами надъ родильницею и новорожденнымъ, чинъ елеосвященія сопровождается канонъ Арсенія, и молитвы умовенія ногъ въ великій четвергъ начинаютъ совершать послѣ заамвонной молитвы, а не передъ литургіей, какъ было принято въ уставѣ Алексѣевомъ, по обычаю великой церкви. Феодоритъ Ростовскій переводитъ въ Константинополь чинъ малаго освященія воды и съ его именемъ это послѣдованіе заносится въ типографскій требникъ № 129. По рукописи нашей академіи (москов. духовной № 183, XVII вѣка) ему приписывается переводъ молитвы Филоея, глаголемой на покрестьи (литія, крестный ходъ), егда гладъ наведеть. Кипріанъ посылаетъ псковичамъ синодикъ правый цареградскій, который чтутъ въ великой Софіи, прибавивъ къ нему уставъ, какъ великихъ князей поминати, переводитъ канонъ Филоея въ нашествіе враговъ и другія его молитвы. Въ требникахъ и другихъ служебныхъ книгахъ XV вѣка мы уже находимъ большое число молитвъ и каноновъ константинопольскихъ патріарховъ XIV вѣка, а нѣкоторыя изъ этихъ произведеній становятся извѣстными въ славянскомъ переводѣ и того раньше. Молитвы Каллиста и Филоея вытѣснили изъ употребленія нѣкоторыя изъ прежнихъ подобнаго же содержанія и вошли въ требникъ наряду съ оставшимися. То же случилось съ ними и у насъ на Руси. Особенно много ихъ встрѣчается въ сербскомъ требникѣ изъ синодальной бібліотеки (XV в. № 374). Тутъ читается и молитва индикту (Филоея), и прибавочная на вечернѣ пятидесятницы, каноны и молитвы

на безведріе, засухи и отвращеніе непріятельскихъ наше- ствій и нѣсколько другихъ, также мѣстно византійскаго происхожденія. Нѣкоторые изъ нихъ вносились въ славянскіе требники безъ имени составителей и, получивъ мѣстную переработку, принимались за славянскія произведенія. Въ виду новаго наплыва молитвъ и послѣдованій, становилось все болѣе и болѣе необходимымъ разобратъ въ массѣ накопившагося литургическаго матеріала, подвести ему итогъ, ввести въ кругъ служебныхъ книгъ и согласить съ прежними обрядами. Эту задачу, по отношенію къ требнику, приняли на себя митрополиты Кипріанъ и Фотій, но какъ ее выполнили, въ виду невозможности (говоримъ это за себя) опереться на подлинныя труды Кипріана, сказать не умѣемъ. Во всякомъ случаѣ, ихъ труды можно было бы считать увѣнчавшимися успѣхомъ лишь въ томъ случаѣ, еслибы просмотръ и редакция чиновъ требника были проведены послѣдовательно и всесторонне, если бы дѣло ограничилось не рекомендаціей и сообщеніемъ просмотрѣнныхъ одиночныхъ чиновъ, а выразилось изданіемъ полного исправленнаго требника, и это исправленіе коснулось бы сколько содержа- нія и состава, столько же и текста требничныхъ службъ. Вмѣсто этого мы видимъ въ еххологіяхъ славянскихъ XV вѣка постепенное наростаніе служебнаго матеріала. Они раз- ростаются въ обширныя сборники чрезвычайно разнообраз- ныхъ чиновъ, службъ, молитвъ и становятся проводниками практики великой церкви, Аѳона и земель южнославян- скихъ¹⁾.

Такимъ образомъ въ нашихъ церковныхъ книгахъ, чи- нахъ и обрядахъ не разъ производились перемѣны сравни- тельно съ существовавшими у насъ ранѣе, производились по тѣмъ же основаніямъ, въ томъ же духѣ и направленіи, какъ это могло быть и при Никонѣ, т. е. практиковавшійся въ русской церкви обрядъ и чинъ, какъ уже устарѣвшій, болѣе неудовлетворяющій требованіямъ времени и обстоя- тельствъ, замѣнялся новымъ греческимъ, выработаннымъ дальнѣйшимъ движеніемъ греческой церковной практики. Такой порядокъ дѣлъ въ то время казался настолько нор-

¹⁾ Митрополитъ Кипріанъ въ его литургической дѣятельности, стр. 62—65.

мальнымъ и правильнымъ, что появившіяся къ намъ съ востока разныя церковныя „новшества“, измѣнявшія русскую церковную старину, не возбуждали тогда никакихъ сомнѣній, не вызывали обвиненій въ нововведеніяхъ и еретичествѣ, и это даже въ тѣхъ случаяхъ, когда сами нововводители рѣшали у насъ тотъ или другой вопросъ неодинаково. Въ Кипріановской псалтири (рукопись москов. духовной академіи) на полунощницѣ въ чтеніи: блажени непорочнии, послѣ первой статіи предписано говорить: „слава и нынѣ, аллилуа, аллилуа, слава тебѣ Боже 3-жды“ (трижды т. е. самое славословіе произнести трижды, а въ немъ—аллилуа по дважды). То же на утрени въ половинѣ и по окончаніи шестопсалмія написано: „слава и нынѣ, аллилуа, аллилуа, слава тебѣ Боже 3-жды“. Значить митрополитъ Кипріанъ предписывалъ двоять, а не троить аллилуію. Иначе этотъ вопросъ рѣшаетъ преемникъ Кипріана митрополитъ Фотій. Въ своемъ посланіи къ псковичамъ относительно аллилуии Фотій пишетъ: „а что ми пишете объ аллилуіи и на славахъ, сице глаголи: аллилуа, аллилуа, аллилуа, слава тебѣ Боже; аллилуа, аллилуа, аллилуа, слава тебѣ Боже; аллилуа, аллилуа, аллилуа, слава тебѣ Боже“¹⁾. Ясно отсюда, что практика самой греческой церкви въ то время еще не установилась относительно двоенія или троенія аллилуіи, почему два русскіе митрополита, непосредственно слѣдовавшие на каедрѣ одинъ за другимъ, и оба присланные къ намъ изъ Константинополя, рѣшаютъ однако одинъ и тотъ же вопросъ неодинаково, что впрочемъ не вызываетъ какихъ либо нареканій на этихъ митрополитовъ, не вызываетъ обличеній кого либо изъ нихъ въ неправдѣ, въ заблужденіи,—упорядоченіе русской церковной практики съ помощію и по указаніямъ современной греческой, было, очевидно, въ то время явленіемъ обычнымъ, невозбуждавшимъ ни у кого никакихъ недоумѣній.

Патріархъ Никонъ, исправляя современный ему русскій обрядъ и чинъ по образцу болѣе новаго тогдашняго греческаго, въ существѣ дѣла только возстановлялъ прерванныя было традиціонныя отношенія практики русской церкви къ греческой, и, по вопросу о дальнѣйшемъ движеніи и разра-

¹⁾ Рукопись Моск. Румян Музея, по описанію Востокова, № 358, л. 382 об.

боткѣ русскаго церковнаго чина и обряда, стоялъ собственно на той точкѣ зрѣнія, на какой русская церковь ранѣе стояла уже цѣлыя столѣтія, и въ силу которой всякое движеніе и развитіе русской церковной практики должно было находиться въ связи и соотвѣтствіи съ тѣми движеніями и перемѣнами, какія происходили въ греческой вселенской церкви. Но при указанномъ сходствѣ между древнимъ періодомъ нашей церковной жизни и временемъ и дѣятельности Никона, было однако и очень важное и существенное различіе въ двухъ отношеніяхъ. Никонъ исправлялъ тогдашній русскій обрядъ по образцу современнаго греческаго, ве какъ обрядъ устарѣвшій и отжившій, и потому замѣняемый новымъ греческимъ, болѣе лучшимъ и совершеннѣйшимъ, а какъ обрядъ неправый, нововводный и даже еретическій; исправлялъ не замѣной стараго отжившаго обряда новымъ, а наоборотъ—русскій обрядъ, какъ новый, замѣнял старымъ, будто бы потеряннымъ русскими и сохранившимся у тогдашнихъ грековъ т. е. поступалъ какъ разъ обратно тому, какъ ему слѣдовало поступать, и какъ у насъ велось дѣло до флорентійской уніи въ тѣхъ случаяхъ, когда русская церковная практика отставала отъ движенія и развитія практики греческой церкви. Это одна сторона дѣла. Съ другой стороны: въ древній періодъ нашей церковной жизни русскіе не сомнѣвались въ православіи грековъ, считали ихъ своими естественными и необходимыми въ дѣлахъ вѣры и церкви учителями и руководителями. Не то было при Никонѣ. Между его временемъ и старорусскимъ лежала флорентійская унія и послѣдовавшее за ней паденіе Константинополя, когда русскіе стали уже подозрительно относиться къ самому православію современныхъ грековъ, чуждаться всякаго ихъ вмѣшательства въ наши церковные дѣла, рѣшили стоять въ этихъ дѣлахъ на своихъ только собственныхъ ногахъ и даже только себя, изъ всѣхъ православныхъ народовъ, признали единственными хранителями истиннаго православія и благочестія. Правда жизнь и въ этомъ случаѣ шла навстрѣчу Никону: она, какъ мы уже говорили, постепенно стала ломать тотъ барьеръ, который церковно отгородилъ было русскихъ отъ современныхъ грековъ, такъ что послѣдніе на Москвѣ высшимъ нашимъ церковнымъ и свѣтскимъ правительствомъ стали уже признаваться такими

же православными, какъ и русскіе. Значить, Никону нужно было только воспользоваться этимъ новымъ укрѣпившимся пока въ одной Москвѣ направлениемъ, постараться, прежде чѣмъ приступать къ своимъ грекофильскимъ реформамъ, распространить и укрѣпить это направление всюду, придать ему силу и убѣдительность въ глазахъ паствы и потомъ, уже достаточно подготовивъ почву, приступать къ постепенному, неторопливому проведенію самыхъ реформъ. При такихъ условіяхъ его реформы не производили бы на русскихъ того тяжелаго удручающаго впечатлѣнія, какое они производили, когда Никонъ сталъ проводить ихъ круто, поспѣшно, безъ всякой предварительной подготовки къ нимъ общества, рѣшительно не понимавшаго что и зачѣмъ дѣлается. Въ этомъ случаѣ очень поучительнымъ и очень полезнымъ примѣромъ для Никона долженъ былъ бы быть кievскій митрополитъ Петръ Могила, тѣмъ болѣе, что въ числѣ руководителей Никона—реформатора были и ученые кievляне, личные очевидцы—свидѣтели жизни и церковной дѣятельности Петра Могила.

За пять лѣтъ до вступленія Никона на московскій патриаршій престолъ умеръ Кievскій митрополитъ Петръ Могила († 1 янв. 1647 г.). Онъ произвелъ у себя тѣ же реформы, что и Никонъ, такъ что сопоставленіе дѣятельности этихъ двухъ лицъ, работавшихъ на одномъ и томъ же полѣ, но съ совершенно различными для церкви результатами, несомнѣнно очень любопытно и характерно. Могила, какъ и Никонъ, обратилъ вниманіе на то, что въ богослужебныя книги юго-западной Руси вкрались многія ошибки, погрѣшности, разнорѣчія, что въ нихъ не было единообразія въ церковныхъ чинахъ и обрядахъ и вообще въ совершеніи разныхъ церковныхъ службъ. Какъ Никона „зазирали“ разные пріѣзжіе въ Москву восточные іерархи, такъ православныхъ южно-руссовъ зазирали разные противники православія, указывая на то, что у православныхъ нѣтъ единообразія въ церковныхъ службахъ, одинъ служить такъ, другой—иначе, что де доказываетъ, что безъ единой главы русская церковь безсильна сохранить у себя даже правильныя единообразныя богослужебныя книги, и тѣмъ думали подвигнуть русскихъ къ признанію единого главы церкви—папы. Какъ Никона, такъ и Могила, эти зазіранія

побудили обратить вниманіе на богослужебныя книги и постараться ввести повсюду одинъ церковный чинъ, почему оба издають исправленные служебники и требники, исправленные и съ греческихъ и съ старыхъ славянскихъ. Какъ противъ Никона, такъ и противъ Могилы возбуждены были обвиненія въ латинствѣ, въ намѣреніи погубить православіе. Самъ низложенный предшественникъ Могилы, Кіевскій митрополитъ Исаія Копинскій, ставленникъ іерусалимскаго патріарха Теофана, писалъ въ монастыри: „а кіевскій де митрополитъ Петръ Могила вѣры христіанской нынѣ отпалъ, и благословенъ-де митрополитъ Петръ Могила отъ папы римскаго нынѣ въ великій постъ въ патріархи, будто бытъ патріархомъ христіанскія вѣры. А присягаль-де онъ, Петръ Могила, Королю и всѣмъ панамъ раднымъ и арцыбіскупомъ ляцкимъ, что ему хрестыянскую вѣру ученьемъ своимъ попать и уставить всю службу церковную по повелѣнью палы римскаго, римскую вѣру, и церкви хрестыянскія во всѣхъ польскихъ и литовскихъ городахъ превратить въ костелы ляцкіе, и книги русскія вывезть“. Противъ благоустроеннаго Могилою кіевского училища, въ которомъ стали преподавать латинскій и польскій языки, тоже возбуждены были крайнія подозрѣнія. Въ то время, говоритъ одинъ изъ воспитанниковъ кіевского училища, отъ неученыхъ поповъ и казаковъ веліе было негодованіе: на што латинское и польское училище заводите, чего у насъ дотуду не бывало, а спаслись? Было хотѣли самого Петра Могилу и учителей до смерти побити; едва ихъ уговорили“¹⁾.

При извѣстномъ сходствѣ самой задачи и нѣкоторыхъ обстоятельствъ, при которыхъ приходилось дѣйствовать Никону и Могилѣ, какое однако существенное различіе у нихъ въ пониманіи тѣхъ предметовъ, надъ которыми имъ пришлось оперировать, въ пониманіи способа веденія дѣла, тѣхъ необходимыхъ условій, при которыхъ оно только и могло имѣть дѣйствительный успѣхъ и приносить пользу насомымъ. Никонъ не приводитъ церковныя чины и обряды къ единообразію, въ виду того что въ общемъ они были у насъ уже единообразны, а измѣняетъ ихъ по образцу современныхъ греческихъ, такъ какъ находить ихъ неправыми и

¹⁾ Макарія, Ист рус. церквн. т. XI, стр. 489—490, 504—506.

нововводными, и такъ какъ онъ думаетъ, что церковныя чины и обряды имѣютъ одинаковую силу съ вѣроученіемъ и что только извѣстный опредѣленный обрядъ спасителенъ, а всякій другой—нѣтъ. Совершенно иначе смотритъ на обрядъ и его значеніе Могила. Онъ различаетъ въ обрядѣ стороны главныя и существенныя, и стороны случайныя и измѣнчивыя. Первыя—существенныя неизмѣняемы, они заключаются, по толкованію Могила, а) въ матеріи, б) въ формѣ или словѣ и в) въ интенціи (намѣреніи) совершающаго священнодѣйствіе. Поэтому существенную, на примѣръ, часть литургіи составляютъ, кромѣ внутренняго намѣренія священнослужителя: матерія, какою въ литургіи служитъ хлѣбъ и вино, и форма т. е. освящающія матерію слова Спасителя: пріимите, ядите и пр. Всѣ же остальные части богослуженія, кромѣ существенныхъ, могутъ видоизмѣняться, могутъ быть различны въ различныхъ церквахъ, неодинаковы въ одной и той же церкви за разное время, и могутъ зависѣть отъ временныхъ обстоятельствъ, мѣстныхъ преданій, обычаевъ и пр.,—и это различіе несущественныхъ частей въ богослуженіи нисколько не препятствуетъ вселенскому единству православной церкви, потому что основаніемъ его служить не обрядъ, а единство вѣроученія и правоученія. Съ этой точки зрѣнія не только всѣ различныя чины и обряды въ различныхъ помѣстныхъ православныхъ церквахъ, за различное время ихъ существованія, одинаково святы и спасительны, но и чинъ латинской церкви заслуживаетъ полнаго вниманія и уваженія, поскольку онъ не служитъ уклоненіемъ отъ ученія вселенской православной церкви. При такомъ воззрѣніи Могила, исправляя служебникъ и требникъ, сокращалъ и видоизмѣнялъ нѣкоторыя чины, другіе опускалъ, вводилъ новыя, не встрѣчающіеся въ прежнихъ, и въ этомъ случаѣ пользовался даже латинскими служебниками, такъ какъ видѣлъ сущность различія латинской церкви отъ православной не въ томъ или другомъ церковномъ обрядѣ, но въ самомъ ученіи. Исправляя богослужебныя книги, Могила имѣлъ въ виду удовлетворить тогдашнимъ потребностямъ и нуждамъ югозападной церкви, и потому не стѣснялся отбрасывать старыя церковныя уже отжившія чины и вводить новыя, даже заимствованныя у латинянъ, сочинялъ и помѣщалъ въ требникъ новыя эктеніи

и молитвы на разные случаи жизни. При этомъ онъ старался дать южнорусской церкви не только единообразный, вполне соответствующій потребностямъ времени церковный чинъ, но и сдѣлать его понятнымъ и доступнымъ для всѣхъ, что бы богослуженіе совершалось не безсмысленно и механически, а съ полнымъ пониманіемъ того, что значило то или другое церковное богослужебное дѣйствіе. Поэтому, напримеръ, къ служебнику, изданному въ 1629 году, онъ присоединилъ догматическое и обрядовое объясненіе литургіи, что бы священники вполне понимали то, что они совершали въ церкви. Точно также и въ своемъ знаменитомъ „требникѣ“ Могила помѣстилъ наставленія, какъ поступать священнику при отправленіи тѣхъ или другихъ требъ, въ тѣхъ или другихъ частныхъ случаяхъ. Но этого мало. Могила заботился создать, благодаря своей школѣ, классъ пастырей церкви изъ людей образованныхъ и ученыхъ, но такъ какъ это могло совершиться не вдругъ, то онъ требовалъ, чтобы всѣ ищущіе священства, до своего посвященія, нѣкоторое время оставались въ Кіевѣ и учились бы здѣсь у болѣе свѣдущихъ и образованныхъ лицъ, такъ что подготовка нѣкоторыхъ иногда продолжалась цѣлый годъ, при чемъ самъ Могила экзаменовалъ ихъ и все время содержалъ на свой счетъ, благодаря чему и не учившіеся въ школѣ пастыри, получали всетаки элементарный необходимый для ихъ служенія запасъ свѣдѣній, усвоили, подъ руководствомъ опытныхъ лицъ, новый чинъ и обрядъ, научались понимать его смыслъ и значеніе, и не смотрѣли на него какъ на что-то ужасное, потому что оно новое. Такъ разумно, осторожно и вѣрно дѣйствовалъ Могила, исправляя богослужебные недостатки югозападной церкви. Но заботами объ исправленіи церковнаго чина и его разумнымъ усвоеніемъ пастырями Могила не ограничился. Вѣрность церковнаго чина и обряда, его душеспасительность, основываются на знаніи и правильномъ усвоеніи самаго православнаго вѣроученія, одинъ обрядъ не можетъ питать и воспитывать православнаго человѣка, онъ только помогаетъ и уясняетъ въ видимыхъ наглядныхъ образахъ истины христіанскаго вѣроученія, безъ знанія и пониманія этихъ истинъ и самый упорядоченный обрядъ и чинъ многого не дадутъ. Въ виду этого Могила позаботился составить полную и цѣльную систему

христіанскаго православнаго вѣроученія, которое извѣстно подъ именемъ „Катихизиса Петра Могила“. Пока этотъ катихизисъ разсматривался на соборахъ въ Яссахъ (1643 г.) и подписывался восточными іерархами, Могила, для руководства православныхъ русскихъ, напечаталъ въ 1645 году краткій катихизисъ. О цѣли его изданія предисловіе говоритъ: „книга эта публикуется не только для того, что бы священники въ своихъ приходахъ каждый день, въ особенности въ воскресные и праздничные дни, читали и объясняли его своимъ прихожанамъ; но также, чтобы мірскіе люди, умѣющіе читать, преподавали одинаковымъ способомъ христіанское ученіе, преимущественно, чтобы родители учили по ней своихъ дѣтей, а владѣльцы подвластныхъ себѣ людей, а также, что бы въ школахъ всѣ учителя заставляли своихъ учениковъ учить наизусть по этой книжичкѣ“. Такимъ образомъ на ряду съ исправленіемъ богослужебныхъ книгъ, чиновъ и обрядовъ, шла другая работа, имѣвшая въ виду пастырей и пасомыхъ привести къ правильному систематическому усвоенію и пониманію всего круга христіанскаго православнаго вѣроученія и правоученія, чтобы ихъ мысль не останавливалась, не почилла только на обрядѣ, но переходила отъ него къ усвоенію высшаго круга христіанскихъ понятій.—Подобно Никону и Могила производилъ исправленіе богослужебныхъ книгъ, составлялъ и издавалъ свой катихизисъ только съ соборнаго одобренія. Такъ въ 1640 году онъ созываетъ въ Кіевѣ соборъ, на который приглашаетъ всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ особъ, особенно способныхъ и опытныхъ въ разсужденіи духовныхъ предметовъ, и предлагаетъ на обсужденіе собора составленный катихизисъ и разные другіе церковные вопросы. Происходитъ цѣлый рядъ соборныхъ засѣданій, на которыхъ, какъ самый катихизисъ, такъ и другіе вопросы, подвергаются тщательному и всестороннему обсужденію, при чемъ присутствовавшіе на соборѣ не только свободно высказываютъ свои взгляды по тому или другому вопросу, но и вступаютъ въ пренія съ самимъ Могилою, оспаривая тѣ или другія его мнѣнія, предложенныя имъ въ Катихизисѣ ¹⁾. Состоявшіяся на этомъ соборѣ рѣшенія были поэтому выраженіемъ свободнаго голоса всей церкви и потому принима-

¹⁾ Макарія, т. XI, стр. 578—589.

лись всѣми, какъ для всѣхъ обязательныя. — Но Могила очень хорошо понималъ, что всѣ самыя благія, хорошо обдуманныя и тактично проведенныя реформы, имѣющія въ виду привести въ порядокъ и возвысить всю церковно-общественную жизнь, не достигнуть надлежащей цѣли, не привьются къ народу, если въ немъ не будетъ просвѣщенныхъ образованныхъ пастырей, если въ обществѣ будетъ царить прежнее невѣжество, если не будетъ поднятъ уровень просвѣщенія всего даннаго общества. Поэтому, на ряду съ церковными реформами, должны были идти заботы объ устройствѣ и развитіи школъ и вообще образованія. На эту сторону—на школы и обученіе въ нихъ, Могила обратилъ свое вниманіе, не жалѣя своихъ силъ и трудовъ, не жалѣя и своего наслѣдственнаго не малаго достоянія. Въ успѣхѣ школьнаго дѣла онъ видѣлъ залогъ процвѣтанія и силы русской церковной и общественной жизни, главное средство борьбы противъ церковныхъ и общественныхъ недостатковъ, вѣрное обезпеченіе благодѣтельнаго дѣйствія на церковную жизнь всѣхъ произведенныхъ имъ реформъ и улучшеній. Его энергія, его труды и жертвы въ пользу школы и образованія вообще принесли блестящіе плоды еще при самой его жизни, продолжались получаться и послѣ его смерти и не только въ югозападной Россіи, но и въ самой Москвѣ. Какъ ясно и глубоко Могила понималъ великое значеніе въ церковной и общественной религіозной жизни народа науки и образованія, какъ горячо и энергично старался вызвать и всячески развить эту силу въ своей паствѣ, какъ онъ заботился, чтобы и послѣ его смерти эта сила не умалилась, не заглохла, но продолжала бы и послѣ него процвѣтать ко благу и славѣ русскаго народа и церкви, это особенно видно изъ его духовнаго завѣщанія. Въ немъ, между прочимъ, онъ говоритъ: „лишь только Господь Богъ сподобилъ меня сдѣлаться архипастыремъ Кіевской митрополіи, и еще прежде архимандритомъ Печерской лавры, я, видя, что упадокъ вѣры и благочестія въ русскомъ народѣ происходитъ не отъ чего иного, какъ отъ совершеннаго недостатка у него просвѣщенія и школъ, далъ обѣтъ Богу моему: все мое имущество, доставшееся отъ родителей, и все, что будетъ оставаться отъ доходовъ съ имѣній, принадлежащихъ ввѣреннымъ мнѣ, по моему служенію, святымъ мѣстамъ, обращать частію на воз-

становленіе разрушенныхъ храмовъ Божіихъ, отъ которыхъ остались жалкія развалины, частію на основаніе школъ въ Кіевѣ и утвержденіе правъ и вольностей народа русскаго.... И этотъ недостойный обѣтъ мой и намѣреніе Господь Богъ, по благодати своей, благословилъ такъ, что при жизни моей я видѣлъ великую пользу для церкви Божіей отъ тѣхъ наукъ, и много появилось людей ученыхъ и благочестивыхъ на служеніе ей. Почему, желая оставить коллегію, какъ единственный залогъ мой, обезпеченною на будущее время, я подарилъ ей и настоящимъ завѣщаніемъ моимъ даю и дарю навѣки“ ¹⁾....

Такъ дѣйствовалъ реформаторъ югозападной Россіи, кіевскій митрополитъ Петръ Могила. И намека на что либо подобное нѣтъ ни въ дѣятельности, ни въ стремленіяхъ патріарха Никона. Обладая громадною, почти неограниченною властію въ церкви и государствѣ, располагая громадными матеріальными средствами, имѣя полную возможность собрать въ Москву цѣлый полкъ ученыхъ Кіевлянъ и иностранцевъ, и съ ихъ помощію завести цѣлый рядъ правильно поставленныхъ школъ, видя всюду кругомъ себя самое подавляющее беспросвѣтное невѣжество и въ духовенствѣ и во всемъ народѣ, Никонъ даже и не подумалъ о созданіи въ Москвѣ школы, о насажденіи и развитіи на Москвѣ науки и образованія. Онъ ядовито смѣялся надъ невѣжествомъ и даже безграмотностію московскихъ архіереевъ, своихъ современниковъ, но и не думалъ уничтожить это позорное явленіе въ тогдашней нашей церковной жизни устройствомъ школы, заботами о наученіи и хотя бы кое-какомъ просвѣщеніи поставляемыхъ имъ самимъ пастырей и архипастырей. Мало того. Предъ патріаршествомъ Никона наше и свѣтское и духовное правительство заботятся о присканіи и въ южной Руси и на православномъ востокѣ хорошихъ учителей, чтобы съ ихъ помощію открыть въ Москвѣ настоящую школу. Со вступленіемъ на патріаршій престолъ Никона всѣ эти заботы объ открытіи школы прекращаются, о школѣ даже совсѣмъ забываютъ. Никонъ весь запасъ своихъ недюжинныхъ силъ, всю свою громадную энергію, растрчиваетъ на бесполезную борьбу съ своими личными врагами и недобро-

¹⁾ Ibid. стр. 612—613.

желателями, на проявленіе своей патріаршей мощи, какъ неограниченнаго, ничѣмъ нестѣсняемаго властелина, личная воля и усмотрѣніе котораго есть единственный регуляторъ въ отношеніи къ подчиненнымъ и пасомымъ, на чемъ единственно онъ и строить всю свою церковно-обрядовую реформаторскую дѣятельность. Свои грамадныя патріаршія матеріальныя средства онъ тратитъ на бесполезную постройку новыхъ монастырей, дворца для своего жилья, на сооруженіе дорогихъ роскошныхъ митръ, цѣлой массы роскошныхъ облаченій, на снаряженіе цѣлыхъ полковъ для войны съ поляками, и ни одной копейки на школы и образованіе. Онъ, простой, необразованный московскій начетчикъ, вовсе и не думалъ прививать московской Руси недостающую ей силу—силу науки и образованія, конечно потому, что самъ правильно не понималъ и не цѣнилъ ея, не понималъ, что безъ этой силы ничто въ общественной жизни прочно и хорошо не строится. Поэтому то и результаты реформаторской дѣятельности Могилы и Никона были столь различны: реформы Могилы, хотя онѣ были шире, всестороннѣе и, въ церковно-обрядовой сферѣ, гораздо радикальнѣе, чѣмъ реформы Никона, не только не вызвали въ кievской Руси какаго либо раскола, но и водворили въ ней церковный порядокъ; тогда какъ реформы Никона на Москвѣ произвели въ нашей церкви расколъ, который продолжается и доселѣ.

Н. Кантеревъ.
